

Е.С. Хило, Н.Е. Никонова

Томский государственный университет

Первое издание Сергея Есенина в Германии

Аннотация: Статья посвящена выявлению отличительных особенностей переводов стихотворений С. Есенина, представленных в первом немецком издании 1958 г.

The paper is devoted to revealing the distinctive features of the translations of S. Yesenin's poems, presented in the first German edition of 1958.

Ключевые слова: Перевод, творчество С. Есенина, образность.

Translation, S. Yesenin's works, figurativeness.

УДК: 82-1/29.

Контактная информация: Томск, пр. Ленина, 30. ТГУ, филологический факультет. Тел. (3822) 554062. E-mail: nikonat2002@yandex.ru; ekaterinahilo@mail.ru.

Первая встреча немецкоязычного читателя с лирикой самого самобытного русского поэта XX века С. Есенина состоялась в 1958 г. Издание, вышедшее спустя 30 лет со дня смерти Есенина, названо первой строкой из стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся» – «Liebstes Land, das Herz träumt leise». В этой фразе концентрированно передан смысл всей жизни и творчества русского поэта – его любовь к родной стране.

Восьмистраничное предисловие, написанное известным критиком и редактором из ГДР Гербертом Кремпиеном, с первых строк ставит С. Есенина в контекст советской литературы: он сравнивается с уже известными в Германии поэтами – В. Маяковским, А. Блоком, В. Брюсовым. Особое внимание критик уделяет В. Маяковскому, называя его «красноречивым певцом социализма» [Jessenin, 1958, S. 5]. Есенина же Г. Кремпиен представляет как крестьянского сына из Рязани, который в своих стихах воспевает суровую красоту средней полосы России. Отдавая дань времени, Кремпиен характеризует лирику русского поэта с точки зрения политической принадлежности: «конечно, его стихи не настолько прогрессивны, как у Маяковского. <...> Есенин пошел по несколько ложному пути, так как не знал сути классовой борьбы своего времени. Но он боролся с собой и писал революционные стихотворения, пафос которых и сегодня в состоянии поднять нас» [Ibid., S. 6].

Объем произведений, данных в немецком издании, составляет 55 стихотворений. Они созданы с 1910 по 1925 гг. и, таким образом, отражают все периоды творчества С. Есенина. Г. Кремпиен называет такой объем «маленьким выбором, который должен дать представление о красоте есенинской лирики, ее привлекательной естественности и мелодике, наполненной народными песнями. И в то же время выбранные стихотворения отражают тематическое разнообразие лирики и мировоззренческое отношение поэта во всей его противоречивости» [Ibid.].

Все переводы выполнены двумя авторами: А. Кристофом и Э. Бахом (24 и 31 произведение соответственно). Стихотворения даны в хронологической последовательности создания оригиналов. Отдельным микроциклом вынесены в конец «маленькие» поэмы («Небесный барабанщик», «Русь советская», «Стансы», «Баллада о 26»). По авторству переводов сборник условно можно разделить на 2 части: ранняя лирика (до 1918 г.) дана в переводе А. Кристофа, зрелая и поздняя лирика, а также «маленькие» поэмы (1919–1925 гг.) – в переводе Э. Баха.

Отличительной чертой всех переводов является наличие названия каждого произведения, независимо от его наличия или отсутствия в оригинале. Из 55 стихотворений только 11 имеют названия в оригинале, в большинстве случаев они переведены дословно («Пороша» – «Neuschnee», «С добрым утром!» – «Guten Morgen», «Табун» – «Die Pferde», «Собаке Качалова» – «An Katschalows Hund» и др.). Остальные 44 произведения названы по общей идее или главному образу произведения («Поет зима – аукает...» – «Die Spatzen», «Под венком лесной ромашки...» – «Der verlorene Ring», «Я покинул родимый дом...» – «Der russische Ahorn»), реже – по первой строке с вынесением ее в заглавие («Я последний поэт деревни» – «Ich bin der letzte Dichter des Dorfes», «Зеленая прическа, // Девическая грудь...» – «Du Birke jung an Jahren», «Ты прохладой меня не мучай...» – «Du quälte mich nicht...»). Подобный переводческий прием, вероятно, использован для облегчения читательского восприятия и обусловлен отсутствием строгих норм перевода на тот период времени. Однако, с точки зрения современного переводоведения, свободное обращение с подлинником не имеет места быть, так как не отражает воли автора.

При анализе 24 стихотворений в переводе А. Кристофа выявлено, что форма и содержание оригиналов в целом сохранены. В стихотворении «In die Verbannung» («В том краю, где желтая крапива...») представлены самые яркие черты переводческой стратегии А. Кристофа. Привлечение внимания читателя с первой строки: «Siehe, wie die gelbe Nesselblüte // sich am Flechtzaum wieg» – «В том краю, где желтая крапива // И сухой плетень». Использование повелительного наклонения и, как следствие, скрытого обращения к читателю привлекает внимание, придает диалогичность стихотворению. Подобный прием использован в стихотворениях «Am Abend» («Вот уж вечер. Роса» – «Sieh, am Weg des Abends», «Der verlorene Ring» («Не нашлось мое колечко» – «Such am Bach sie alle beide»), «Guten Morgen» («Задремали звезды золотые» – «Horizont, spann aus die roten Netze»), «Das einfache Glück» («Вот оно, глупое счастье // с белыми окнами в сад!» – «Siehe das einfache Glück mit // Fenstern zum Garten gewandt!»).

А. Кристоф в стихотворении «In die Verbannung» использует прием усиления звучания предложения, выделение определенной строфы с помощью использования частицы «ach»: «Полюбил я грустные их взоры // с впадинами щек» – «Ach, ich muß die Schmerzgesichter lieben // eingefallner Kraft». Подобный прием встречается и в других стихотворениях: «Frühling» («В поле, склоняясь к побегам, // ходят грачи в полосе» – «Ach, wie die Krähen aufsteigen // schwarz aus den Saaten ins Blau»), «Der verlorene Ring» («Мне вдогон смеялась речка: // „у милашки новый друг”» – «Ach, an eines andern Seite // sie nun wonnentrunken geht!»), «Das Bild der Geliebten» («Зерна глаз твоих осыпались, завяли» – «Ach, die Ernten deiner Augen enden»). Как известно, междометия служат для выражения чувств, ощущений и других реакций и выполняют экспрессивную или побудительную функцию. В примерах, приведенных выше, «ach» используется для сохранения ритма, придания напевности и экспрессивной окраски предложения. Возможно, данный прием также был использован переводчиком для облегчения читательского восприятия.

Усилительное звучание предложение получает и с использованием вопросительного слова, отсутствующего в оригинале: «Много зла от радости в убийцах» – «Wieviel Böses taten sie». В других стихотворениях находим: «Кругом с тоской

глубокою» – «*Welch Traurigkeit erfüllt die Welt*» («*Die Spatzen*»), «Шумит за мельницей крылатой» – «*Wie's rauschend mir im Herzen brandet!*» («*Verschollen*»), «Время – мельница с крылом» – «*Wie die Zeit der Mühle gleicht*» («*Das Vaterhaus*»).

Особое внимание привлекает передача есенинской образности. Как известно, русский поэт, будучи имажинистом по своей натуре, даже после разрыва с этим литературным направлением, любил сложные метафорические образы. В ранней лирике, которая представлена в переводе А. Кристофа, сложных образных средств не так много, как в более позднем периоде творчества С. Есенина, но все же они встречаются. «*Осень, рыжая кобыла, чешет гривы*» – «*Herbst im Waldesduft*» («*Herbst*»), «*Рыжий месяц жеребенком // запрягался в наши сани*» – «*schon den Mond, ein rotes Füllen, // angespannt vor unserm Schlitten*» («*November*»), «*Золотой лягушкой луна // Распласталась на тихой воде*» – «*Wie ein goldner Frosch weit im See // schwimmt der Mond seinen stillen Kreis*» («*Der russische Ahorn*»), «*Отелившееся небо // Лижет красного телка*» – «*der Himmel Mutter wäre // und sein Kälbchen leckt und stillt*» («*Empfindung*»). Приведенные примеры показывают, что А. Кристоф не придавал большого значения образности языка оригинала, нередко метафоры отсутствуют и переданы одной смысловой единицей либо переданы с помощью сравнения. Однако оба способа достоверно не отражают самой главной черты есенинской лирики.

Переводы Э. Баха отличает более вольный характер передачи смысловых и структурных компонентов оригинала. Под смысловыми компонентами подразумеваются семантически наполненные образы оригинала. Э. Бах в одних случаях опускает такие образы, в других, наоборот, добавляет. Например, в стихотворении «*Elegie*» переводчик в первых строках добавляет чувство огорчения: «И небо и земля все те же, // Все в те же воды я гляжусь» – «*Und gleich der Himmel, gleich die Erde. // Stets Gleiches schau ich mit Verdruß*»; в стихотворении «*Ohne Wiederkehr*» в дополнение к улицам Э. Бах упоминает мосты Москвы и использует грубую форму глагола «умереть» в значении «издохнуть»: «На московских изогнутых улицах // Умереть, знать, судил мне бог» – «*Auf Moskaus Straßen und Brücken // werd ich verrecken, weiß Gott*». В этом же стихотворении есенинская луна получает серебряное сияние: «А когда ночью светит месяц, // Когда светит... черт знает как!» – «*Und nachts unterm silbernen Monde, // was silbert er... Teufelsschein!*». В стихотворении «*Erneuerte Heimat*» к обозначению степи добавляется ее обладатель и чувство тоски: «Мелколесье. Степь и дали // Свет луны во все концы» – «*Deine Steppe, in Schwermut zerronnen // deines Mondes verschwimmenden Glast*».

Замену образов переводчик использует при передаче названий деревьев. Так мы встречаем вместо клена иву в стихотворении «*Schlittenfahrt*» («Где-то на поляне клен танцует пьяный» – «*Trunken tanzt im Felde // eine schlanke Weide*»), вместо черемухи – ель в «*Verlust*» («Слушать песни дождей и черемух» – «*Hör den Regen zwischen den Tannen*»). Такие замены обусловлены не семантическими значениями, а формальными рамками, то есть определенной рифмой. Однако в контексте есенинских образов такая замена не оправдана, так как русский поэт придавал особое значение каждому из деревьев, являющихся определенными образами его лирики. Их смешение искажает отношение Есенина и нарушает образный строй каждого стихотворения в отдельности и всей лирики в целом.

Пропуск смысловых компонентов встречаем в стихотворении «*Bis zur Neige*»: «Пей и пой, моя подружка: // На земле живут лишь раз!» – «*Trink! Laß uns die Becher heben! // Leben gibts ein einzig Mal!*». В переводе отсутствует обращение и уходит второй смысловый глагол «петь». В стихотворении «*Trübe Heimkehr*» трепетное отношение к матери лирический герой передает четырьмя прилагательными: «Милая, добрая, старая, нежная», в переводе нет этого трепета, хотя прилагательные использованы в превосходной степени сравнения: «*Beste, Geliebteste*».

Не менее своеобразен синтаксис переводов Э. Баха. В целом его переводы более эмоциональны, чем оригиналы и состоят из более мелких предложений, за счет чего увеличивается их количество. Например, перевод стихотворения «Снежная замать дробится и колется» состоит из тринадцати повествовательных предложений и из восьми, оканчивающихся знаком многоточия, оригинал же имеет только одиннадцать повествовательных предложений.

Особое внимание обращает на себя перевод стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья». Оно, в отличие от всех, имеет точную дату создания (27 декабря 1925 г.), место написания (Ленинград) и примечание «День смерти». Кроме этого оригинал состоит из трех повествовательных предложений, перевод же содержит шесть восклицательных, два повествовательных и одно предложение, оканчивающееся знаком многоточия. Таким образом, на формальном уровне Э. Бах придал этому стихотворению особое значение. На семантическом же уровне он достаточно дословно передал все смысловые компоненты, сохранив оригинальную поэтику.

Что же касается использования образных средств языка, то можно сделать предположение, что Э. Бах намеренно уходит от метафоризации, заменяя образ описательным переводом: «Вечер *черные брови* насопил» – «*Grau der Abend ist niedergesunken*» («Verlust»), «*Отговорила роуца* золотая» – «*Das Lied des goldnen Haines ist verklungen*», «Не жаль мне лет, растроченных напрасно, // Не жаль *души сиреневую цвель*» – «*Ich klag der Jahre nicht, und nicht verzehre // mein Herz ich um vergangnen Blüentag*» («Das Lied des goldnen Haines»), «*Зарево красных зарниц*» – «*Wetter leuchten so rot*» («Ode»).

Подводя итог сравнительному анализу переводов А. Кристофа и Э. Баха и оригиналов С. Есенина, отметим достаточно свободное обращение переводчиков с подлинниками, о чем свидетельствует вынесение заглавий стихотворений, замена, добавление и опущение некоторых образов, изменение синтаксиса. В настоящий момент подобное вряд ли имело бы право на существование, но в 1950-е годы в теории переводоведения отсутствовали жесткие требования к переводам, что и дало возможность данным работам выйти в свет. К тому же переводы А. Кристофа и Э. Баха реализовали главную задачу издания 1958 г. – знакомство немецкоязычного читателя с есенинской лирикой. Это подтверждает отсутствие в сборнике оригинальных произведений и каких-либо комментариев редактора или переводчиков. Данный сборник заложил основы для дальнейшей интерпретации русского поэта в Германии. Некоторые переводы мы находим в самом последнем и наиболее полном на сегодняшний день немецком издании – трехтомном собрании сочинений 1995 г. Одиннадцать из двенадцати переводов А. Кристофа, представленных в последнем издании, и шесть из семи переводов Э. Баха взяты из сборника 1958 г.

Проведенный анализ выявил, что представление Есенина как певца социализма заявлено только в предисловии, в текстах не выделены общественно-политические идеи русского поэта. Это может свидетельствовать о том, что А. Кристоф и Э. Бах занимались переводом лирики как таковой, что и позволило включить их работы в трехтомник 1995 г. Однако Г. Кремпиену необходимо было вписать Есенина в определенные рамки, требовавшиеся советским временем, что и было им сделано в предисловии.

Литература

Jessenin S.A. *Liebstes Land, das Herz träumt leise*. Berlin, 1958.